

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **НАША ВЕРА**

Что такое Закон Божий?

В 118-м псалме псалмопевец называет Закон Божий утешением, богатством, радостью, но многие наши современники воспринимают его скорее как огорчение, лишение и обиду.

Почему одно из величайших Божиих благодеяний человеческому роду – дарование Закона – часто вызывает горечь и противление?

Этому есть несколько причин, и нам стоит рассмотреть их, потому что они касаются самых важных вопросов человеческого существования, нашего места в мире, наших отношений с Богом и нашей надежды на будущее.

ЗАКОН, ЗАКОННИКИ И БЕЗЗАКОННИКИ

Как-то в одной из западных газет я видел фотографию, сделанную на какой-то антицерковной демонстрации: женщина (или мужчина? – густой грим оставлял это неясным) в майке с надписью «Нет Бога – нет чувства вины. Раскреститесь немедленно!»

Послание выглядело противоречиво – человек, благополучно избавившийся от чувства вины, скорее всего, просто занялся бы своими делами, а не тратил бы время на предъявление настойчивых претензий к Церкви, – однако оно весьма характерно. Современный мир – мир массмедиа, популярных ведущих и книжных бестселлеров – постоянно предъявляет Церкви один и тот же упрек: мол, Церковь навязывает людям чувство стыда и вины, указывая им на то, что их жизнь греховна.

Так ли это? Среди христиан, увы, бывают люди, буквально упивающиеся чужими грехами, иначе сказать, своим (ложным!) моральным превосходством. В Евангелии Господь особенно настойчиво предостерегает нас против этого. Он проявляет удивительную милость к явным грешникам (к вороватым сборщикам налогов или проституткам), но с большой суровостью обличает людей по внешности благочестивых – фарисеев. Да, разговор о

нравственности легко превратить в упражнение в фарисействе: благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь (Лк. 18:11), а ненависть ко греху перенести на грешников. Высокомерные законники с презрительно поджатыми губами, которые гордятся своей духовностью, связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их (Мф 23:4), несомненно, отвращают людей от Церкви и совершают тяжкий грех. Господь не обещает им ничего кроме «горя». Они грубо и явно нарушают тот самый Закон, от имени которого дерзают судить других.

Парадоксально (а когда мы говорим о наших отношениях с Законом Божиим, мы постоянно сталкиваемся с парадоксами), но именно такие «законники» принимаются тем самым миром, который они берутся обличать, с готовностью и даже с какой-то радостью: вот, мол, посмотрите, какие злобные, неуравновешенные, а зачастую и вовсе неадекватные люди эти христиане. Фред Фелпс, странноватый протестантский пастор из маленького американского городка, устраивающий пикеты с плакатами «Бог ненавидит извращенцев», никому не был бы известен, если бы именно те, кого он обличает, не позаботились обеспечить

ему широчайший пиар: люди добрые, посмотрите, какие ненормальные эти борцы за нравственность!

Можно было бы предположить, что вся проблема — в грехах отдельных христиан; но это не так. Людей задевает Закон как таковой. Церковь неизбежно выступает с определенными требованиями к поведению людей. Это вызывает непонимание и раздражение — почему бы Церкви не пересмотреть свою позицию в отношении разводов, или аборт, или половых перверсий? Разве можно человеку XXI века навязывать средневековые нормы вроде «не прелюбы сотвори»? Разве такими требованиями Церковь не отталкивает от себя потенциальных прихожан? Разве не обречена она, с такими строгими правилами, остаться на обочине современности?

ПАРАДОКС ЗАКОНА

В XX веке ряд протестантских общин, опасаясь «оттолкнуть потенциальных прихожан», пошли на серьезное смягчение как нравственных, так и вероисповедных требований. Дошло до курьезных случаев, как, например, с голландским пастором Клаасом Хендриске, который открыто говорит о том, что не верит в личностного Бога Библии. Как говорит он сам, «Бог для меня не существо, но термин для обозначения того, что может произойти между людьми. К примеру, один говорит другому: "Я никогда не предаю тебя", — и затем выполняет свое обещание. Такое событие можно с уверенностью назвать Богом». Верующий человек назвал бы это присутствием благодати Божией, но Хендриске в благодать не верит; он верит в человеческую верность.

Однако когда люди говорят: «А ну ее, эту веру в Бога, давайте жить простой человеческой любовью, взаимной верностью, братской солидарностью», — происходит странная вещь. Без веры в Бога — и искреннего стремления повиноваться Ему — эти простые человеческие вещи не выживают.

Казалось бы, что мешает созданию общин неверующих людей, которые делали бы друг для друга (и для окружающего мира) то же, что и верующие, но без всего этого религиозного «балласта»? Такие попытки предпринимались, и сегодня существуют некие этические общества, стремящиеся воспроизвести «социальный эффект» Церкви, но без ее веры. Только они так немногочисленны и мало-влиятельны, что неверующий человек обра-

щает свои взоры все равно к Церкви, говоря не «давайте мы, неверующие, организуемся в какие-нибудь гуманистические общины, а вместо Литургии у нас будут какие-то другие общи символические действия, не предполагающие веры в Бога», но «давайте вы у себя в Церкви переустройте все так, чтобы меня там ничего не тяготило». Но что характерно: на Западе общины,двигающиеся навстречу таким пожеланиям, начинают не приобретать, а, напротив, быстро терять прихожан. Сохранить положительный социальный эффект без веры не получается. Похоже, то, что в Церкви привлекает современного человека, нельзя отделить от того, что в ней тяготит.

Принцип «я никогда не оставлю тебя», о котором говорит пастор-атеист, — это ведь то же самое, что «не прелюбы сотвори». Эти идеи не просто взаимосвязаны — они совпадают. Человеческая любовь, взаимная верность, братская солидарность требуют самоограничения, и чем дальше — тем более сурового. А людей часто отталкивает от Церкви, во-первых, требования самоограничения, а во-вторых, обличение в грехе и само понятие греха. Но понятие греха вылезает немедленно, как только мы пытаемся любить ближнего и творить добро. Тут сразу выясняется, что мы, люди, в этом несостоятельны. Греховность — это как течение: пока позволяешь ему уносить тебя, его просто не замечаешь. А вот когда пытаешься встать на ноги...

Если мы хотим любящей и при этом нетребовательной Церкви, то мы хотим взаимоисключающих вещей: «я хочу, чтобы по отношению ко мне проявляли вечную и безусловную любовь и верность» и «я не хочу, чтобы меня напрягали требованиями вечной и безусловной любви и верности»; «я хочу, чтобы другие люди жертвовали чем-то из любви ко мне» и «я не хочу, чтобы от меня требовали каких-либо жертв». Одновременно удовлетворить и те и другие требования — невозможно.

Община любящих — это неизбежно община кающихся, ибо, не утесняя своей гордыни и самости и не обуздывая своих appetitов, любви к ближнему не выкажешь. Более того, не выкажешь и любви к себе — то есть желания себе блага. Если просто следовать своим желаниям (даже не самым страшным, вроде склонности к пиву и лени, например), то это не принесет ничего, кроме вреда. Беда в том, что окружающая нас культура — это во многом

культура «сиюминутных удовольствий».

КУЛЬТУРА «КОРОТКОГО ГЕДОНИЗМА»

Иногда говорят, что христианству в современном мире противостоит гедонизм — стремление к удовольствию как главной цели жизни. Это не совсем так. Христианству в современном мире противостоит даже не тенденция к гедонизму, а тенденция к короткому гедонизму. Просто гедонист желает наслаждаться долговременным здоровьем и ест здоровую пищу; «короткий» гедонист хочет съесть сникерс и получить свое удовольствие немедленно — хотя знает, что в недалеком будущем это обернется проблемами с зубами, желудком и лишним весом. Короткий гедонизм не помышляет о вечности, но он не думает и о том, что будет через шесть месяцев, а часто даже о том, что будет на следующее утро. Человек, увы, всегда был склонен к короткому гедонизму: наслаждаться сейчас, платить потом, и в наше время коммерческая культура буквально принуждает его к этому. «Получи удовольствие немедленно!» — кричат сотни рекламных роликов, щитов вдоль дорог, разворотов в глянцевого журналов. Как пелось в одной эстрадной песенке: «Нет, нет, нет, мы хотим сегодня! Нет, нет, нет, мы хотим сейчас!»

Между тем даже не Церковь, а обыкновенный здравый смысл говорит, что мы приобретаем прочное счастье, лишь отказываясь от немедленных удовольствий. Чтобы наслаждаться здоровьем, надо вести здоровый образ жизни, питаясь отнюдь не сникерсами и пивом. Самое ценное в нашей жизни — близкие, доверительные отношения с другими людьми, а это требует постоянного самоограничения. Чтобы войти в мир интеллектуального и культурного наслаждения, надо долго и терпеливо учиться. Собственно, это вполне может понять и неверующий, только для него долговременные радости, которые мы приобретаем ценой отказа от кратковременных, простираются не дальше земной жизни. Он вполне может быть «долгим гедонистом», который идет на сегодняшние жертвы ради завтрашней цели. Церковь же, фигурально выражаясь, говорит о «сверхдолгом» гедонизме — и называет его блаженством. Это — вечная радость, ради которой мы отказываемся от немедленного удовольствия. Даже для неверующего человека возможны две линии поведения: вести себя

разумно и ответственно, стремясь к прочному и долговременному счастью, или же стремиться к немедленному удовольствию, полагая, что какие-то дополнительные средства помогут смягчить последствия такого поведения. (Образно говоря, один благоразумно хранит верность, а другой надеется на то, что от дурных болезней его спасут средства предохранения).

И вот у человека, привыкшего жить коротким гедонизмом, любые требования долгого гедонизма (не обязательно требования Церкви) вызывают ощущение невыносимого угнетения: «Уже и сникерс им, тиранам, не по нраву!» Причем раздражение вызывает не то, что кто-то мешает есть сникерс (в общем-то никто и не мешает!), а само напоминание о том, что подобное питание вызывает кариес, лишний вес и другие проблемы со здоровьем.

В конце Нагорной проповеди (Мф. 5:1-7,29) Иисус Христос сказал притчу, которая является как бы заключением этой проповеди.

Один благоразумный человек построил дом на камне, а безрассудный построил дом на песке. В хорошую погоду оба дома стояли хорошо. Но когда пришла буря и подул сильный ветер, то дом, который был построен на песке, упал. Другой же дом, который стоял на камне, на твердом основании, выдержал бурю и ветер и не упал. Эта притча говорит, что нужно строить свою жизнь на твердом основании Закона Божия, и тогда, что бы ни случилось, мы выдержим.

Раздражение на Церковь, а особенно на седьмую заповедь, во многом связано с этой культурой короткого гедонизма. С долгим же гедонистом, который полагает здоровую и умеренную жизнь более счастливой, даже с неверующим, конфликта по этому поводу не будет (хотя по другим поводам он возможен). Сама идея о том, что достижение вечного счастья предполагает самоограничение, вполне естественна. Даже с временными благами: семьей, здоровьем, образованием, дело обстоит именно так. Следуя установкам короткого гедонизма, нельзя достичь прочного счастья даже здесь, на земле; и было бы странно, если бы он был совместим с вечным блаженством.

Существует конфликт между тем, чего мы хотим, и тем, что нам нужно, — конфликт этот является одним из очевидных проявлений первородного греха. Искренний друг будет призывать меня прекращать злоупотреблять пивом и перестать лениться и, скорее все-

го, вызовет у меня сильное раздражение, но в то же время я нуждаюсь в искренней дружбе. Обеспечить искренних друзей, которые вообще не будут выступать против некоторых наших желаний, — невозможно. Это противоречиво по определению — они будут неискренними! Также невозможна и любящая и при этом совершенно нетребовательная Церковь. Когда Церковь идет навстречу «пожеланиям трудящихся» и перестает что-либо требовать от них, даже веры в Бога, — «духовная температура» очень быстро падает до уровня окружающей среды.

ЛЮБОВЬ ОБЛИЧАЕТ И СПАСАЕТ

Закон есть проявление любви — любви к ближнему, и даже любви к себе самому. Как пишет Апостол: ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай [чужого] и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона (Рим. 13:9, 10). Однако Закон причиняет боль; когда Церковь говорит о святости брака, то те из нас, кто пережил развод, чувствуют себя неуютно. Когда Церковь настаивает на неприкосновенности человеческой жизни — от зачатия до естественной смерти — она задевает тех, кто оказался прямо или косвенно вовлечен в грех аборта. Когда она ограничивает плотское общение рамками законного супружества, многие чувствуют себя не в своей тарелке. Это нередко вызывает недоумение, даже возмущение — разве Церковь должна ранить? Не должна ли она непременно нести утешение?

Закон ранит даже более глубоко: чем больше мы узнаем его, тем яснее понимаем, что не соблюдаем его, даже если воздерживаемся от самых грубых и вызывающих грехов. Чем яснее нам становится, что значит поступать по любви, хранить верность, заботиться о благе ближнего (и о своем подлинном благе), тем лучше мы понимаем, что так не поступаем. Как говорит Апостол, законом познается грех (Рим. 3:20). Закон показывает, что все мы — люди виновные и испорченные, причиняющие великий вред себе и друг другу. В этом

открытии нет ничего приятного, ничего повышающего самооценку и поднимающего настроение. Для культуры короткого гедонизма, которая требует хорошего самоощущения (и немедленно!), это неприемлемо. Но в действительности — это единственная дорога к подлинному утешению.

Христос пришел спасать не хороших людей — Он пришел спасти грешников. Пока мы пытаемся отменить Закон или переиначить его так, чтобы он не причинял нам неудобств, мы делаем спасение недоступным для себя. Пока мы держим улыбку и уверяем себя, что с нами все в порядке, мы закрыты для любви, милости и утешения — даже для Его любви. «Покаяться и горько зарыдать» — значит пережить болезненный момент истины, за которым приходит осознание того, что мы приняты и прощены. Бог принимает тех, кто покается и уверует, в Иисусе Христе, через Его искупительное служение: «Крест, гроб, тридневное Воскресение». Евангелие есть Благая Весть о прощении грехов; как говорит Пророк, изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя (Ис. 44:22).

Как-то одному моему приятелю на день рождения подарили детскую соску на ленточке с надписью «Никогда не поздно жизнь начать сначала». Это было всего лишь шуткой; но когда Христос предлагает нам новую жизнь, в которой прошлые грехи больше не имеют над нами власти, Он не шутит.

Прощение, которое мы обретаем во Христе, избавляет нас от осуждения Закона. Наши отношения с Законом меняются. Он становится не источником осуждения, а руководством к действию. Мы призваны поступать по любви — а как именно, нам говорят заповеди. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай [чужого] и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона (Рим. 13:9-10).

Сергей Худиев

21 ноября 2015 года (суббота), Троицкий архиерейский собор
08:00 – Божественная литургия с комментариями
14:30 – Молебен перед родами и о даровании чад супругам
15:00 – Покаянный молебен за грех аборта